

СОЗВЕЗДИЕ МУЗ

Так бывает только в банальном кино-сюжете. И еще иногда в жизни.

Девочка из Куйбышева впервые попала в шумный круговорот московских улиц и прямо с вокзала направилась разыскивать ГИТИС — она приехала учиться в театральный институт. Но туда еще нужно было поступить! В приемной комиссии с девочкой долгие переговоры не вели, а сразу велели идти на коллоквиум. Там ее послушали. «У вас внешние данные героини, а голос трагиста — несоответствие. Вам не надо поступать в театральный...». За дверью она расплакалась — мечты, казалось, рухнули. Но все же решила попробовать. Проща первый тур. Потом второй, третий... Девочка стала студенткой. А потом — актрисой. Еще на четвертом курсе была принята в труппу Московского театра юного зрителя...

Ольгу Остроумову нет необходимости рекламировать — зритель хорошо ее знает. Впервые с ней познакомился в картине «Доживем до понедельника». А запомнили в роли Женьки из фильма «А зори здесь тихие...». Запомнили, чтобы уже не забыть, — настолько ярко проявилась здесь индивидуальность актрисы. И кто знает, может, скоро в театр на Малой Бронной, где она сейчас работает, будут ходить «на Остроумову», как ходят «на Яковлеву», «на Дурова», «на Броневого»...

— Кино сегодня быстрее театра обеспечивает актеру популярность — специфика «самого массового искусства». Вас тоже узнали благодаря кино. Теперь вы в расчете с экраном или «главная битва» еще впереди?

— Кино... Мне кажется, что в театре я больше умею. Театральный актер — совсем другая профессия. Правильно пишет Юрский — «смежные, но разные профессии». Кино — это производство, здесь нужно сразу «выдавать». И каждый раз чужие люди, все вокруг незнакомое. Хочется скорее работать, а тут сидишь и ждешь погоды в самом прямом смысле. Это расхолаживает, а потом оказывается, что нет времени собраться. Сначала я долго не могла привыкнуть к камере. И еще это шокирующее слово «Мотор!». Одни его тихо произносят, и понимаешь, что подан сигнал, начинаешь спокойно работать. А кто-то так крикнет, что все на свете забываешь. Я не получаю радости от работы в кино. Потому что там нет момента «пристройки», иной раз даже репетиций нет. И от этой недоговоренности, от непонимания многое теряется. Хотя все, конечно, зависит от режиссера.

Давайте посмотрим, что я сделала на сегодня в кино, — получится, не так уж и много. Рита из «Доживем до понедельника». Кто там работал? Я? Нет, моя фактура. Конечно, я тоже старалась что-то сделать, но сверхзадача этой роли... Кукла — большего

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ РИСУНКА

и не требовалось. Зато я стала понимать, что такое кино и как оно делается. Я ведь раньше этого не знала. Вот Женька в «Зорях» — это совсем другое.

Я к тому времени уже снялась в двух фильмах, в очень плохих фильмах. А от кино вообще устаешь. И уж тем более от плохого кино. После этих фильмов я вообще больше не хотела сниматься, хотя предложения были. Когда же мне предложили, нет, не сняться в фильме, а только прочитать повесть Васильева «А зори здесь тихие...», я отнеслась к этому довольно легко-мысленно — в том смысле, что всерьез не приняла. Потом все же прочитала повесть, увидела, какой здесь богатый литературный

и драматургический материал и немедленно сама позвонила режиссеру Ростоцкому. «А кого ты хочешь сыграть?» — «Риту... А, может, Женьку...». Взяли меня сразу. А потом началось... Ничего не получалось с гримом. Выкрасили меня в рыжий цвет — это было обозначено в тексте, — слегка изменили форму носа, и на пленке я себя не узнала. И никто не узнал ни меня, ни Женьку — такое злое, прямо стервозное лицо. Совсем не то, что нужно. Расстроена была не только я — все. Ростоцкому даже советовали поменять актрису. И я сама стала отказываться. Я такой человек: если в меня верят, горы могу своротить. А когда вижу недоверие, мне даже плохо становится и ничего уже не умею. Но Ростоцкий удивительно чуткий человек, очень умный — он все понимает. Сам переживал, а меня успокаивал, уговаривал. Решили снимать меня такой, какая я есть, и пошло на лад. Впрочем, что значит на лад — трудно было, ответственность большая. Мы все ее чувствовали и работали с абсолютной отдачей.

Но потом я три года не снималась. — Боялись, что начнут эксплуатировать ваши внешние данные и то, что уже было найдено в «Зорях», в Женьке?

— Так оно и было. Мне постоянно предлагали роли «вамп-женщин», красивых разлучниц. Поэтому я отказывалась. Это не мои роли да и однозначны они в большинстве своем. И когда Евгений Матвеев предложил мне сыграть Маню Поливанову в «Любви земной» и в «Судьбе», мне тоже не хотелось соглашаться, ведь Маня вроде бы разлучница. Потом, уже в процессе съемки, все время старалась от этого отойти: хотелось сыграть не хищницу, а девочку, любящую, страдающую девочку.

— Вы сами искали рисунок роли? — И режиссер, и я сама. Потому что я не хочу и не умею «рвать страсти», я этого стесняюсь. А если мне по какой-то причине неловко, ничего не получится. Всегда нужно делать то, что моей внутренней природе не противоречит. Но это не значит, что везде я играю себя. Нет, мне надо найти в роли меру — меру себя. И ту меру, которая совпадает с представлением режиссера о роли. Это не всегда удается. Поэтому актер и режиссер и должны быть единомышленниками.

— И все-таки, вы сторонница жесткого режиссерского рисунка или же предпочитаете, чтобы вам давали полную свободу? Разумеется, при том условии, что режиссер ваш единомышленник.

— Дело в том, что я всегда играю поразному — постоянно импровизирую. В кино у меня не бывает двух одинаковых дублей, и Ростоцкий это хорошо использовал. В спектакле тоже — двух одинаковых не бывает. Например, существует чистый рисунок роли. Одни актеры используют его, ничем не наполняя. Другие этот рисунок

постоянно наполняют своим, личным, приносят что-то в роль. Я же из тех, кто импровизирует. Но рисунок при этом остается, он виден.

— Делаете вариации «на тему рисунка»? — Что-то вроде этого. К самостоятельной работе меня приучил наш педагог Павел Хомский, который был главным режиссером Московского ТЮЗа. Он очень был с нами строг и в критике беспощаден при всей своей мягкости и доброте. До его прихода мы привыкли к другой системе обучения: «Стань сюда... Теперь перейди туда...». А он пришел, посмотрел и в первый раз велел нам сделать все самостоятельно. Конечно, получилось нечто ужасное. Но зато началась настоящая работа.

— В ТЮЗе вы сыграли много ролей? — Массу... Но мне повезло — я вовремя ушла из детского театра, просто выросла уже из него. Повезло мне и в том, что в театр на Малой Бронной меня пригласили.

— Повезло, что пригласили именно в этот театр?

— Это тоже. Но еще, что пригласили, что не пришлось показываться. Я очень боюсь этих показов. В показах всегда есть что-то унижительное для актера, для человека: ты хочешь понравиться, значит, ты заведомо зависишь. И обычно ничего путного не выходит — человек теряется, становится скованным и не делает половины того, что может. То же самое и на кинопробах. Ни с того, ни с сего — сыграй состояние гора. Ну, как я могу сыграть? Я же не подготовлена...

— Это как раз из области — нужен свой режиссер. Вы нашли его в театре в лице Анатолия Васильевича Эфроса?

— Пока еще рано об этом говорить, потому что я на Малой Бронной четыре года, а у Эфроса первый раз сыграла только что — Лиду в пьесе Дворецкого «Веранда в лесу». Он, конечно, замечательный режиссер, и работать с ним чрезвычайно интересно. Эфрос всегда выстраивает точный рисунок роли, абсолютно обоснованный и ясный. Мы с вами уже говорили о жестком рисунке. Так вот, от его жесткого рисунка получаешь радость. Но здесь есть одна опасность: Анатолий Васильевич очень заразително показывает. И ты настолько увлекаешься, что невольно становишься на него похожим. Как-то после репетиции прихожу я домой, а муж говорит: «До чего же ты стала похожа на Эфроса!». Шутки шутками, но так можно потерять собственное «я».

— Но при вашей способности к импровизации вам это не грозит...

— Во всяком случае, очень надеюсь. Анатолий Васильевич и сам все понимает. Он говорит актерам: «Мой рисунок все равно в вас сидит. Забудьте его!». К этому и стремимся. Ведь действительно сидит...

Беседа велла
Элла АГРАНОВСКАЯ.